

Не с тем жила, не того любила.
Но у нее появился шанс изменить все...

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

РВАНЫЕ ЧУВСТВА

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Колычев. Любовь зла и коварна

Владимир Колычев

Рванные чувства

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Рванные чувства / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2016 — (Колычев.
Любовь зла и коварна)

ISBN 978-5-699-85599-5

Это был не просто любовный треугольник. Это была адская взрывная смесь. Молодой инженер Илья приехал в Черноземск в командировку, встретил на улице Кристину и влюбился в нее с первого взгляда. Но претендентов на ее любовь уже было достаточно. Уголовный тип Антон Дубров ревниво кидался на всякого, кто имел смелость приблизиться к Кристине. А местный бизнесмен Семен Штагов ради девушки пустился во все тяжкие, не брезгуя ни подкупом, ни подлостью, ни обманом. Он сделал так, чтобы Антон угодил в тюрьму на приличный срок, а против Ильи пустил в дело грязный шантаж. Но Илья оказался крепким орешком, и вот тогда нашла коса на камень...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85599-5

© Колычев В. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть I. Красивая пара	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Колычев

Рваные чувства

© Колычев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть I. Красивая пара

Глава 1

Взъерошенный, вспушенный воробей настороженно зыркнул по сторонам, качнулся, свалился с провода, камнем ухнул вниз, у самой земли расправил крылья и спланировал в пыльную гущу на обочине дороги. Следом спикировали его задиристые дружки, воробей вскочил, взмахнул крыльями, стряхивая с них пыль, взмыл вверх, они рванули за ним, догнали, подрезали – и закружилась карусель: вокруг столба, сквозь прочерки проводов, снова вниз, к березке с пышной кроной. Зашикала на воробьев зеленоволосая белостволая красавица, капризно замахала тонкими своими руками, но не напугала, напротив, развеселила. Резвятся крылатые охальники, гоняются друг за дружкой, дерутся шутливо, шебутно. Весело им, так и живут изо дня в день – без печали, в маленьких, но шумных радостях. Их никто не трогает, и им ни до кого дела нет...

Вдруг откуда-то из-за земляных куч, поросших травой и застеленных листопадным кустарником, выскочили два разъяренных пса – черный с белым и рыжий с плешью. Один вцепился в шею другому, но удержать хватку не смог, сам оказался снизу. Зверское рычание, дикие хрипы, отчаянный скулеж – вырванная шерсть летит клоками, земля под лапами взбивается в пыль. Псы здоровые, сильные, зубастые, ярость застилает им глаза, в такой смуте они опасны для прохожих, и лучше держаться от них подальше. Воробьи спорхнули с веток, перенеслись под крышу дома, а у Ильи крыльев нет, оставалось уносить ноги. Но не мог он убежать: стыдно. И перед собой зазорно, и перед девчонкой, которая шла навстречу. Шла, пока не остановилась, наблюдая за собачьей дракой. Встала и смотрит – а страха во взгляде больше, чем любопытства. Похоже, в ступоре девчонка, нужно бежать, а ноги как будто к земле приросли.

Илья подскочил к ней, взял под руку, увлекая в сторону от опасности. Девушка потянулась за ним, а когда они остановились, вдруг обняла его. На мгновение обняла, в безотчетном, судорожном порыве, тут же спохватившись, отстранилась, отшагнула, скользнула по нему рассеянным взглядом, глянула на псов, которые уже убегали, на ходу зализывая раны. Опасность миновала.

А девушка заслуживала внимания. Илья смотрел на нее с интересом, удивляясь самому себе. Во-первых, он не мог понять, как это его угораздило засмотреться на воробьев, упустив из виду такую красоту. Во-вторых, ему нравились блондинки, в какой-то степени шатенки, а брюнетки почему-то не вдохновляли. Эта же девушка была брюнеткой. Волосы прямые, длинные, густые. Нежный, четко очерченный контур лица, открытый лоб, ясные, чуть раскосые глаза под утонченными бровями, нос прямой, ровный, но слегка вытянутый, полные, слегка накрашенные губы. И еще ее украшала милая маленькая родинка над губой, похожая на мушку.

– Привет! – выдавил Илья, растягивая губы в улыбке. – Весело у вас здесь, собаки грызутся.

– И не только собаки. – Голос у нее низковатый, но густота в нем легкая, звучная, певучая.

– Ну да, и воробьи, – глянул он на крышу дома, под которой скрылись порхатые озорники.

– При чем здесь воробьи? – не поняла девушка.

– При чем? Ну-у... – Он не хотел вдаваться в объяснения: воробьиная лирика сейчас точно неуместна. – Меня Илья зовут!

– Кристина, – кивнула девушка.

– А я тут мимо проходил, на мукомольный завод иду.

– На Полевой улице? – с интересом спросила она.

– Ну, насчет улицы не знаю. Там новый завод, мы его ставим.

– А ты строитель?

Не похож был Илья на строителя. Одежда чистая, не самая дешевая, светлый батник в синюю полоску под легким кожаным пиджаком, джинсы, черные кроссовки. Модельная стрижка, гладко выскобленный подбородок, чистая кожа, смягченная ароматным кремом после бритья...

– Нет, я инженер. Техлинию нужно настроить, послезавтра уже уезжаю.

– Куда?

– В Черноземск. Я там на «Агромаше» работаю.

– Инженером? – улыбнулась Кристина, обнажая белые, крупные, не совсем ровные зубы.

– Ну да. Третий год после института.

В городе людей с высшим образованием не удивить, а для такого поселка, как Пшеничный, это недоступное достижение – во всяком случае, для большинства деревенских парней. Поселок большой – церковь, больница, зимний кинотеатр, Дом культуры, универмаг, пятиэтажные дома в центре. Но все равно деревня, и местные девчонки мечтают вырваться отсюда. Илья сам вырос в таком же захолустье и в свое время рвался в город. Отслужил в армии, поступил в институт, устроился работать на завод, а в родные края не тянет...

– Ты сейчас на завод идешь? – в раздумье спросила она.

– А вечером в кино собираюсь. Надеюсь, ты примешь мое приглашение?

– Я подумаю.

Илья продолжал восхищенно смотреть на нее. Что ж, он подождет.

На экране кипели страсти – стреляли, клялись в любви до гроба, кто-то кого-то спасал, но Илью это не интересовало, все внимание поглощено Кристиной. И куртку он ей расстегнул, и под кофточку забрался. Она как будто ничего не замечала, все внимание на экран, но так только казалось. Чувствовала она его прикосновения – дыхание участилось, тело напряглось, легко вибрируя.

– Не надо! – прошептала она, отталкивая его.

Руки он убрал, но при этом прошептал на ушко:

– Я тебя люблю! – и неожиданно накрыл ее рот поцелуем.

Целовалась Кристина неумело, но на поцелуй ответила, даже, кажется, вошла во вкус. И в этот момент кто-то вдруг схватил Илью за волосы и оторвал от девушки.

– Вставай, козел!

Илья извернулся, схватил невидимого противника за руку, и тут в его кисть, в углубление между средним и указательным пальцами, вжалось что-то острое.

– Будешь дергаться, пику в ухо воткну!

– Антон, оставь его! – жалобным голосом проговорила Кристина.

Но человек, к которому она обращалась, ее не слушал. Некто Антон вывел Илью из душного зала в прохладу майского вечера, и тут же последовал удар в челюсть.

Илья упал на жесткую колючую щебенку, но тут же поднялся и развернулся к противнику лицом. В голове шумело, перед глазами все плыло. Он плохо соображал, но, может, именно поэтому, не чувствуя страха, сгоряча бросился на человека, силуэт которого смутно пульсировал на фоне темной стены кинотеатра. В ответ прилетел кулак, крепкие как камни костяшки пальцев чиркнули по скуле, но Илью это не остановило. Он пер вперед как бык, отчаянно размахивая кулаками. Драться он, в общем-то, не очень умел, но в детстве какое-то время занимался боксом. В такой экстренной, как сейчас, ситуации на помощь приходила мышечная память, а инстинкт самосохранения требовал защищаться – в нападении. Удары слабые, но их было много, и они ошеломили противника. Тот шарахнулся от Ильи, вытащил из кармана нож и встал на широко раздвинутых ногах, вытянув готовую для удара руку.

– Антон, так нечестно! – послышался возмущенный голос Кристины.

– Пока этот козел живой, нечестно! Сдохнет, будет честно!

Круги перед глазами наконец улеглись, и Илья смог разглядеть противника. Невысокий парень, но плотный, крепкий. Прямоугольная голова, широкое лицо, узкие щелочки глаз. В руке нож, острое которого пугающе переливалось в тусклом лунном свете. И этот нож мог вонзиться Илье в живот. Тогда все, не будет ничего. Ни-че-го!.. А раз так, то лучше остаться без Кристины, но живым! Жил же он без нее раньше...

– Ну, чего стоишь, урод? – оскалился Антон. – Три секунды у тебя, чтобы исчезнуть!.. Раз!..

Он, похоже, не хотел брать грех на душу, поэтому давал Илье шанс, которым нужно было воспользоваться.

И надо хвататься за этот шанс. Его родители сойдут с ума от горя, если с ним вдруг что-то случится, он должен подумать о них. И девчонка у него есть, Катя ее зовут, смазливая блондинка с роскошной грудью и потрясными ногами. И никто из-за нее нож к горлу не приставит.

– Два!..

И еще у Кати своя квартира, пусть и однокомнатная, но в центре города. А она замуж хочет, аж пищит, почему бы не пойти ей навстречу? Жить будет где, работа есть, Катя ребенка родит... Все как у людей будет.

Действительно, зачем ему нужна Кристина? Могла бы и помочь, а то стоит, ладошкой рот закрывает. Могла бы и тревогу поднять, людей позвать, а то и не увидит никто, кроме нее, как Илью здесь зарежут. Как скотину забьют.

– Ты что, не догоняющий? – угрожающе спросил Антон. – Я сейчас «три» скажу! И все!

Илья присел, не сводя с него глаз, пошарил рукой сбоку от себя и нащупал увесистый камень.

– Говори! – заорал он и замахнулся, собираясь метнуть его в цель.

– Ты что, бешеный? – оторопело уставился на него Антон.

А Илья снова пригнулся, чуть отступив назад. На этот раз рука нащупала палку – достаточно тяжелую и крепкую для хорошего удара. Палкой по руке, камнем – в голову, вот и весь разговор, и пусть Антон не жалуется на судьбу идиота, прикованного к инвалидной коляске!

– Раз! – Илья уверенно шагнул навстречу врагу.

– Эй, ты не дурей, не надо! – растерянно мотнул головой Антон.

– Два! – Рука с камнем поднялась еще выше.

– А три – завтра будет! И у меня, и у тебя!.. Завтра поговорим! – отступая, но стараясь сохранить лицо, сказал парень. – Завтра к воротам выходи, в шесть вечера, я покажу тебе три!.. Пошли! – бросил он Кристине, но она лишь удивленно взглянула на него:

– Сам иди!

– Слышь, ты, хоть пальцем ее тронешь, убью! – «дав петуха», пригрозил Антон и растворился в темноте.

– Пошли! – схватив Илью за руку, Кристина потянула его в другую сторону, в кусты, за которыми начинался спуск к реке. – Они тебя в гостинице могут подкараулить, – озадаченно добавила она.

– Кто они?

– Ты ничего не знаешь! Антон тут у нас основной! Я не знаю, почему он один был, обычно за ним толпа ходит. Если он своих ребят соберет, мало не покажется!

– Смелые они у вас тут, всемером одного не боятся! – презрительно усмехнулся Илья.

– Не боятся. В том-то и дело, что не боятся! Навалются толпой, и будет как с Витей... – вздохнула Кристина.

– С каким Витей?

– Да ходил тут за мной один. Антон раз его предупредил, он не понял, второй, а на третий – убил. В прорубь скинул, как лед с реки сошел, так тело и нашли... И тебя убьет!

– Уже убил! Ножом! А потом от моего привидения убегал, только пятки сверкали! – засмеялся Илья.

– Если честно, я сама удивилась... – улыбнулась она. – Обычно он никого не боится.

– Когда с толпой?

– Да, наверное... А толпу он соберет. Уже собирает... Мы же с тобой целовались. Для него это как нож в сердце.

– Осиновый кол.

– Осиновый кол? – не поняла Кристина.

– Мой поцелуй – осиновый кол в сердце вампира! – Он остановился, обнял ее, жадно поцеловал в губы.

– Я с тобой серьезно, а ты шутишь, – вырвалась из его рук Кристина.

– Ну, шучу я или не шучу, это завтра будет видно. Или сегодня. Ну, если Антона мертвым найдут. Осиновый кол в сердце вампира – это серьезно. Как насчет контрольного поцелуя?

– Надо идти! – серьезно ответила она и первая двинулась вперед.

Они поднялись на холм, подошли к дому, Кристина остановилась возле калитки, попросила ее посадить. Илья обхватил ее за ноги, оторвал от земли – Кристина забросила руку за калитку, отодвинула щеколду.

Свет в окнах дома не горел, дымок из трубы не тянулся, дверь закрыта на замок, а ключ лежал под тапком домофона. Кристина открыла дверь, провела гостя в дом.

– Это бабушкин дом, она сейчас у дяди Славы в Павлике, через неделю будет, – сказала она. – Свет включать не будем... Ты не боишься темноты?

– Боюсь. Даже очень. Но поцелуй хорошо успокаивает, – улыбнулся Илья, обнимая и целуя ее.

– Какой ты ненасытный! – нежно улыбнулась Кристина, закрывая глаза.

Но поцелуй их длился недолго: с улицы донеслись злые, рвущие слух голоса. На фоне цветущих яблонь, посеребренных лунным светом, замаячили головы, Илья заметил утолщенный конец бейсбольной биты, брошенной на плечо. И тут же послышался удар ногой по калитке – жалобно лязгнул засов, испуганно треснула доска.

– Здесь они! – крикнул кто-то.

В палисадник, мелькнув над забором, упала бита, тот же путь, почти с той же легкостью повторил и ее обладатель. Подбрав биту, он подошел к окну, по ту сторону которого стоял Илья в обнимку с Кристиной. Свет в комнате не горел, а лунное сияние стелилось лишь по внешнему подоконнику и еще немного стекало на пол по прозрачным занавескам. Они стояли в двух-трех шагах от окна, видели налитые злостью глаза вихрастого, с ястребиным носом парня, но тот их не замечал. Но ведь он может выбить стекло, влезть в дом. С ним Илья еще справился бы, но с его друзьями – точно нет. Навалятся со всех сторон, скрутят, утащат к реке и отправят в гости к русалкам.

Но парень не стал бить стекла. Он сдвинулся в сторону, заглянул в соседнее окно и, перемахнув через забор, вернулся к своим друзьям.

Кристина облегченно вздохнула:

– Кажись, пронесло!

И действительно, голоса стали стихать и исчезли где-то за обрывом, у реки.

– Интересно у вас тут. – У Ильи нервно дернулась щека.

– И не говори, – прижалась к нему Кристина.

– Что у тебя с Антоном?

– Ничего... В смысле, ничего не было... Терпеть его не могу!

– А он тебе проходу не дает...

– Не дает.

– Ну да, ты красивая... Если бы ты меня отвергла, я бы тоже с ума сошел.

– Правда?

– Я уже схожу... А поехали со мной! – неожиданно для себя предложил Илья.

И ничуть не испугался собственной смелости. Действительно, почему бы не увезти Кристину в Черноземск? Да, он там живет в неважных условиях, и все же лучше с ним, в тесноте, но не в обиде, чем здесь, под надзором сумасшедшего Антона.

– Ты не шутишь? – Она крепко прижалась к нему.

– Ну, я же люблю тебя. И ты меня полюбишь...

– Думаешь?

– Надеюсь. В любом случае тебе нужно отсюда валить. Или сама рано или поздно в про-
руби окажешься...

– Я уже думала об этом.

– И что?

– Ну вообще-то у меня есть защитник.

– Кто?

– Не люблю я его, – вздохнула Кристина. – И не хочу любить... Есть у нас тут один, он мне в отцы годится... На него тут все работают. Даже ты... Штагов его фамилия, он мукомольный завод и строит. Колхоз у нас в поселке был, совхоз, все это сейчас ему принадлежит. Он в нашем районе все сельское хозяйство держит.

– И он за тобой бежит?

– Ну, не бежит... Сватов засылал, замуж зовет.

– И ты согласна?

– Не хочу я с ним!

– Антон с ним говорил, – усмехнулся Илья.

Он не знал, верить ей или нет. Кристина, конечно, очень красивая девушка, и мужики могли бегать за ней вязанками, но вдруг она все-таки привирает? Может, цену себе набить решила.

– Ты откуда знаешь? – удивленно посмотрела на него девушка.

– Ну, догадался...

– Да, был разговор. Антон угрожал Штагову, сказал, что все его хозяйство спалит.

– Из-за тебя?

– Да, из-за меня... Не веришь?

– Почему не верю? Очень даже верю... Если здесь все так плохо, поехали со мной. Со мной тебе будет хорошо.

– Я так просто не могу поехать, – покачала она головой.

– Там, в Черноземске, и распишемся, – серьезно произнес Илья.

Кристина ничего не сказала, но прильнула к нему, подставила губы для поцелуя. Крепко поцеловав ее, он уложил девушку на спину, расстегнул куртку, кофточку... Но Кристина вдруг дернулась, поднялась и прошептала:

– Не надо.

– Извини, если перегнул палку.

– Да нет, нормально все... просто в Черноземск с тобой я не поеду.

– Почему? – расстроился Илья.

– Я сама приеду, позже. Сначала ты, потом я... А уехать ты должен прямо сейчас. В ночь. Пешком до Ежового, а оттуда в Черноземск. Автобус в шесть утра выходит... Если Антон со Штаговым не побоялся связаться, то тебя он просто уничтожит.

Илья пожал плечами. В принципе, он уже закончил работу – технологическая линия налажена, на завтра назначен контрольный запуск, но там справятся без него. А если он сделал что-то не так, то грош ему цена как специалисту. Он мог убраться из опасного поселка

уже сегодня. Действительно, зачем гневить судьбу? Тем более после того, как он одержал над Антоном пусть и маленькую, но победу...

Глава 2

Солнечные лучи процеживались через тюль, как молоко – сквозь марлю, рассеивались в пространстве, пылинки плавали по воздуху, исчезая в темных углах комнаты. Кристина вздохнула – вчера полы мыла, мебель протирала, а все без толку. Воздух от кислорода легче очистить, чем от пыли.

С улицы донеслись голоса, немного погодя в дверь требовательно постучал отец:

– Подъем!

Кристина поднялась с постели, надела ситцевый халат, перепоясалась, подошла к зеркалу с ржавой проступью по краям, взяла расческу, разгладила волосы. И снова отец поторопил ее.

Она и сама знала свои обязанности – в доме прибраться, в огороде полно работы, свиньям корму задать, о курах и утках не забыть... Все как обычно. И привычно. Только вот почему отец ее торопит? У него в поле работа, а он здесь, дома, с чего бы это?.. Похоже, воспитывать будет с утра пораньше.

Отец сидел за столом, хмуро, исподлобья глядя на нее. Хлипкие, но без проплешин волосы, выцветшие на солнце брови, несмываемый крестьянский загар на морщинистом лице, губы, и без того тонкие, плотно сомкнуты. Он не прятал рук, держал их на столе. Мозолистые руки; земляная пыль, казалось, въелась в них намертво, даже стиральным порошком не отмыть.

– Где шлялась вчера? – сурово спросил отец.

Мама на ферме с раннего утра, но скоро и она появится и задаст такой же вопрос. И оправдывайся, как будто Кристина маленькая девочка. Ей уже восемнадцать, и можно приходить домой хоть под утро.

И старшая сестра маме подпоет. Раиса – девушка взрослая, самостоятельная, на ферме от рассвета до заката, передовик труда, так сказать, а Кристина дома сидит, значит, ущербная она, и никакого ей снисхождения... Рае хорошо, ее всякие там Дубровы и Штаговы на части не рвут, а Кристина лишний раз на улицу выйти боится. А если она вдруг устроится на ту же ферму, Штагов тут же вцепится в нее двумя руками, потащит к себе в офис, на теплое местечко. А если она откажется, работать он ей не даст, случись вдруг что на ферме, во всех бедах обвинят ее. Ведьмой не объявят, на костре не сожгут, но в зависимость от себя Штагов ее поставит. И отец это понимает, и мать, поэтому Кристина сидит дома.

– Не шлялась, а ходила. В кино.

– До двух часов ночи?

– Кино двухсерийное.

– Трехсерийное! – передразнил ее отец. – В третьей серии Дубров за тобой по всему поселку гонялся!

– А ты хотел, чтобы он меня догнал? – Кристина посмотрела на него удивленно, с обидой.

– А может, четыре серии было?.. С кем ты там в четвертой серии от Дуброва убегала? С командировочным?

Она отвела взгляд в сторону, цокнув языком. Кому какое дело, с кем она бегала от бешеного Антона? Кто-то видел ее на сеновале в обнимку с Ильей? Нет? Тогда о чем разговор?

– Парня бы пожалела. Свернут ему здесь голову из-за тебя.

– Не свернут. Уехал он.

– Вот и слава богу! – Отец разрубил рукой воздух, разделяя время на «до» и «после». – Все, хватит дурить! Выходишь замуж за Штагова, и точка!

– А если Дубров его убьет? Вдовой хочешь меня оставить? – попыталась отшутиться она.

– Не убьет! Забрали его, больше он здесь баламутить не будет. – Отец пытался говорить спокойно, как будто говорил о чем-то мелком, незначительном, но торжествующая улыбка все-таки тронула его губы.

– Куда забрали?
– В милицию. Сегодня утром. В район уже отвезли.
– Из-за вчерашнего?
– Из-за всегдашнего! Кто Макаrchука утопил? То-то же! Или ты думала, что Штагов его выходки терпеть будет?

– Штагов?

– А кто, думаешь, милиции подсобил? Не будь Штагова, убийцу бы до сих пор искали.

В убийстве Вити Макаrchука подозревали Антона, его забирали в милицию, два дня в районе продержали, а потом выпустили: за неимением, как было сказано, доказательств. Но, возможно, Штагов уговорил кого-то из его дружков дать против Дуброва показания. Чем больше денег, тем легче уговаривать...

– Все, Дуброва можешь больше не бояться! – заключил отец.

– Штагов тебе это лично сказал?

– Да, сказал! Да, лично! Скажи, говорит, Георгий Леонидович... – Отец запнулся, набрал в легкие воздух, расправляя плечи, приосанился. Ну да, сам же Штагов к нему по имени-отчеству обращался, как тут нос не задрать! – Скажи своей заблудшей дочке, что хватит ей глупостями заниматься, определяться пора.

– Я не заблудшая!

– Да ну! Весь поселок говорит, как ты с командировочным тут шоблалась!

Кристина покачала головой, осуждающе глядя на отца. Во-первых, не шоблалась она. Во-вторых, нечего слухи собирать, которые Антон распустил, собирая в стадо своих ослов. А в-третьих, пусть Штагов идет к черту со своими хотелками!

– Хватит отца и мать позорить!..

– А я позорю?! – возмущенно протянула Кристина. – Если бы я с Дубровым спала или Штагову отдалась – не позорила бы? Так получается? У Штагова старшему сыну двадцать четыре года, а мне всего восемнадцать.

– И что?

– Да старый он, вот что!

– Зато богатый!

– А не нужно мне!

– А что тебе нужно? А я скажу, что тебе нужно! Ты сама не знаешь, что тебе нужно! А Штагов мужик умный, он тебе объяснит. Будешь жить с ним как у Христа за пазухой, горя не знать.

– Не буду! Так ему и скажи!

– И скажу! – Отец резко поднялся из-за стола, половицы возмущенно скрипнули под ним. – А ты катись! – в гневе показал он рукой на дверь. Кристина удивленно нахмурила брови. Не ожидала она такого. – К своему командировочному катись! Если ты ему после этого нужна!

– После чего?!

– А то я не знаю, чем вы там... Что вы там... – Отец снова запнулся, в смущении махнул рукой и вышел из дома.

Шумно в городе, людская суeta, от машин проходу нет, заводы на окраинах чадят, даже в центре воздух густой, тяжелый, едкий.

Илья подробно описал, как добраться до него с автовокзала, а лучше всего, сказал он, созвониться. Но Кристина предупреждать его не стала. Сотового телефона у нее не было, а где карточку для таксофона покупать, она не знала. Да и не пыталась выяснять. Зачем?

Улица Стаханова, дом восемнадцать – пятиэтажное строение из белого силикатного кирпича с темными подтеками на стенах. Сразу за домом начинался серый железобетонный забор, за которым виднелись старые шиферные крыши длинных одноэтажных зданий. Забор этот,

с пущенной поверх него колючей проволокой, тянулся до большого красного здания с двумя высокими кирпичными трубами. Видно, это и был завод, на котором работал Илья.

Небо чистое, только легкая кисея облаков чуть в стороне от солнца, день светлый, яркий, а место все равно кажется серым и мрачным. Радужные тона здесь в дефиците, и Кристина готова была раскрасить эту черно-белую картинку – в частности, для Ильи. До других ей и дела нет, и как-то не одолевало желание изменить весь мир в лучшую сторону.

Она подошла к синей двери под шиферным козырьком, глянула на вывеску. Заводское общежитие номер восемь, но ведь Илья предупреждал ее о реалиях, в которых существовал, и она не строила иллюзий на отдельное жилье. Девушка она неприспособленная, тем более деревенская...

За столом вахтерской сидела крупная женщина с прилизанными седыми волосами, с буклями над ушами, как на старинных париках. Рыхлое лицо, маленькие живые глазки. Она глянула на Кристину, «сфотографировала» ее и перенесла свое внимание на лестничную площадку. Проход закрывала вертушка, разблокировать которую можно было только из вахтерской, но женщина, казалось, не надеялась на нее и бдительности не теряла.

Кристина вежливо поздоровалась, сказала, кто ей нужен.

– Зачем? – коротко и сухо спросила вахтерша.

– Увидеться с Ильей хочу.

– А сумка зачем?

– Просто.

– Все у вас просто, – вздохнула женщина с таким видом, будто сокрушалась о судьбе всего земного шара. – И у Чинова все просто. То одна баба, то другая. Извини, дорогая, в очереди придется постоять, занят он сейчас.

– Как занят?

– Девушка у него... А ты на какое время записывалась?

– На какое время?! – растерянно пробормотала Кристина. – Не записывалась я.

– Охо-хох, девонька! Такая у мужиков кобелиная сущность, уж я-то знаю. Уж я-то повидала на своем веку... И Чинова я насквозь вижу! Кобель! Чистой породы кобель! Красивый, ладный, шустрый... Инженер! Бабы-дуры от него пищат! Бегают за ним! А он ни одной юбки не пропустит... А чего ты такая бледная? – Вахтерша испуганно захлопала глазами, глядя на нее. Поднялась, открыла дверь, кивком головы показала на диван за спиной: – Проходи, посидишь, чаю выпьешь.

– Да нет, я пойду! – прошептала Кристина.

Ей действительно стало не по себе, перед глазами запрыгали белые мошки, ноги слегка онемели, а идти все равно надо – куда угодно, лишь бы прочь отсюда.

Она вышла из здания, всей грудью вдохнула затхлый воздух, который показался ей вдруг необычайно свежим, и на душе стало как-то легче. Не так уж все и плохо, незачем расстраиваться, а надо бежать от этого грешника не разбирая дороги, куда подальше.

Впрочем, Кристина знала, куда идти. В ноги к отцу она не бросится, но прощения у него попросит. И даже примет свой крест – выйдет замуж за Штагова. И будет жить-поживать. У него дом большой, красивый, у самой реки – чистый воздух, живописный вид, раздольные поля вокруг. А здесь так уныло и даже безобразно...

Она уже почти успокоилась, когда кто-то вдруг схватил ее за руку.

– Кристина! – Илья запыханно дышал, с радостью глядя на нее.

– Пусти! – выдернула она руку.

– Я знаю, что тебе Кузьминична сказала. Ну, ты нашла кого слушать!

– Знаем мы вас, городских... – не в силах сопротивляться, буркнула Кристина.

– Кто городской? Я тебя к родителям в деревню отвезу, узнаешь, какой я городской!

– Зачем к родителям?

– Здравьте – приехали! – усмехнулся Илья. – Сначала с родителями знакомятся, потом свадьба... Или ты раздумала?

– Замуж?! – Девушка почувствовала, как у нее вспыхнули щеки.

– А вариантов нет! Никуда ты от меня не денешься!

Он взял ее за руку, повел к общежитию, и она покорно пошла за ним – как безропотная козочка за пастушком. И на Кузьминичну даже не глянула, когда проходили мимо вахтерской.

Они поднялись на второй этаж, Илья провел ее в коридор, на стенах которого висели корыта, велосипеды, старые куртки. На полу стояли ящики, коробки, на ковриках пылилась обувь. Откуда-то с кухни доносился запах кислой капусты, где-то за дверью кричал ребенок, кто-то кого-то пьяно ругал. Илья с опаской глянул на Кристину: вдруг у нее сдадут нервы от такого дурдома и она сбежит. Но нет, ее вроде все устраивало.

Он провел ее в свою комнату, закрыл дверь, и сразу стало тихо. Комната немаленькая, даже больше, чем горница в родительском доме. Красивые занавески на окнах, на стенах свежие обои с серебряным плетением, новая гарнитурная стенка, двуспальная кровать, кресла, холодильник, телевизор, красивый ковер на полу. Стоя посередине светлой просторной комнаты, Кристина вдруг подумала, что, если Илья когда-нибудь бросит ее, она покончит с собой. Или даже решится на более страшный шаг – выйдет замуж за Штагова.

Словно прочитав ее мысли, Илья подошел к ней, крепко обнял, и она глубоко вздохнула – да, они пойдут по жизни вместе, и в радости, и в горе...

Глава 3

Босые ноги с визгом прошлепали по коридору, послышался шум падающего тела, звонкий детский хохот оборвался, и раздался надрывный плач, затем шлепок по голой попке, и все стихло. Это Санька выскочил из родительской комнаты, побежал, радуясь свободе, но недолгой оказалась эта свобода – сначала сам споткнулся, а затем и мамка, нагнав, нашла. Испугался Санька, замолчал, а потом опять заплакал, но уже далеко, за дверью двести шестнадцатой комнаты. В коридоре громыхнул таз, кто-то чертыхнулся, грубо, по-мужски выругался.

Утро началось, и надо идти на кухню готовить мужу завтрак.

Кристина поднялась, сунула ноги в тапочки, но Илья поймал ее, двумя руками обнял за талию и прошептал на ухо:

– Я бы и бутерброд слопал!

Она вздохнула. Зарплата у него далеко не самая большая, на хлеб и ветчину хватает, но ее муж не должен питаться всухомятку. Кашу она ему сварит – и вкусно, и полезно. А на обед будет борщ, котлеты и компот, первое, второе и третье.

– Вот когда света не будет, тогда и перейдем на бутерброды, – кивнула она, высвобождаясь.

Печь на кухне электрическая, но и в комнате есть розетки, почему бы не обзавестись своей плиткой? И на кухне толкаться не надо будет. А то повадился там один, корявый, плешивый, в растянутых трениках. Стоит ей появиться на кухне, и он уже тут как тут и все притереться к ней норовит, то локтем коснется, то бедром.

Не обманул ее Илья, через месяц она стала его женой. Расписались, поехали в отпуск, у его родителей справили свадьбу, там и медовый месяц провели. В Пшеничный Кристина ехать не захотела. Отец вроде бы остыл, но там Штагов, мало ли, какая дурь ему в голову взбредет. От греха нужно держаться подальше...

И отпуск уже закончился, и лето на исходе, впереди осень, зима, но Кристину это не пугает. И бытовая неустроенность не раздражает. С Ильей она будет счастлива и в шалаше, и никто не переубедит ее в обратном.

– Нам бы электроплитку, – сказала она, поднимаясь с кровати.

– Послезавтра зарплата, купим, – кивнул он.

– И стиральную машинку, – вырвался из груди мечтательный вздох.

– Будет все! Дай время, будет! У нас заказов сейчас – никогда такого не было, – весело выпалил Илья. – Зарплату повысят обещают.

Кристина кивнула. После дефолта импорт подорожал в разы, а отечественная техника в цене почти не изменилась, отсюда и всплеск промышленного производства. Илья так говорит, а она не могла ему не верить.

– А еще меня начальником отдела обещают назначить. И зарплата другая, и в командировки самому ездить не придется... Если назначат. Тьфу-тьфу-тьфу! – Он три раза постучал по деревянной спинке кровати.

– Командировки... – жалобно проговорила Кристина.

За полтора месяца после отпуска Илья побывал в трех командировках, одна из них затянулась на целую неделю, а Кристина терпеливо ждала его в общежитии. Скучно без него, плохо, а еще корявый с плешивой головой все время рядом вертится – как бы ночью в комнату не вломился. Да и сами командировки смущают, вдруг Илья сойдется там с какой-нибудь...

– Командировки! – с той же тоской в голосе повторил он.

– Когда?

– Сегодня. Машина к обеду подъедет. Не хотел тебя заранее расстраивать.

– Хоть за это спасибо.

– Всего на два дня. В Липецк. Туда и обратно. Может, послезавтра буду.
– Сам-то веришь?
– Надеюсь. – Он подошел к ней, взял за руку, потянул на себя и вдруг сказал: – Может, ну ее, к черту, эту кашу?
Она кивнула и прильнула к нему...

Белье сначала замачивается, потом стирается в тазу. Простыни, полотенца, майки, трусы – одно за другим, легкое за тяжелым. Все это так долго, так нудно. А еще нужно прополоскать. Ни ванны, ни обычной стиральной машинки, только таз и проточная вода из-под душа. Но Кристина не унывает. Она баба деревенская, и ей по плечу любая работа. И порядок в доме у нее должен быть идеальным. А как иначе?

Кристина уже отжимала последнюю майку, когда за спиной вдруг щелкнула задвижка. Она пугливо встрепенулась, обернулась и увидела плешивого.

– Закрывать надо!

От страха и волнения у нее перехватило дыхание, слова застряли в горле, и она смогла только мотнуть головой. Закрывала она дверь, но не на внутреннюю задвижку, а на ключ. И непонятно, как плешивый смог открыть замок.

– Меня ждала? – похабно улыбнулся он.

– Пошел вон! – возмущенно выкрикнула она.

– А познакомиться? – попытался он схватить ее. – Меня, кстати, Гешей зовут.

– Я сейчас закричу! – предупредила Кристина.

Но плешивый, не слушая, рванул к ней. Кристина и опомниться не успела, как он оказался у нее за спиной, рукой обхватив шею, и начал душить.

Она брыкалась, конвульсивно шлепала рукой по мокрой, скользкой поверхности лавки, пока не нащупала пакет со стиральным порошком и, схватив его, перебросила через голову, порошок попал Геше в глаза.

– Тварь!

Он отпустил ее, оставив безо всякой опоры, и Кристина упала, больно ударившись затылком о пол, в глазах потемнело, но она тут же вскочила на ноги, схватилась за таз с бельем, с разворота запустила его в Гешу.

Теряя равновесие, он еще и поскользнулся. Размахивая руками, сместился в сторону и рухнул на пол. Угол у лавки острый, твердый, а он об него – виском!

Кристина завизжала и бросилась вон из душевой.

В комнате она вытащила из шкафа спортивную сумку, побросала туда свои вещи. Все, хватит! Она уезжает домой к родителям! Илья вернется из своей чертовой командировки, снимет квартиру, тогда пусть и приезжает за ней. В эту проклятую общагу она больше ни ногой!..

Но как это все будет выглядеть? Илья вернется, а ее нет? Как же так? Где она? Что случилось?.. А случилось! С Гешей она время в душевой провела! Нет, нельзя никуда уезжать. Нужно дождаться мужа, объясниться с ним...

Кристина упала на кровать, обхватила голову руками. Как же Геша?.. Вдруг он не просто потерял сознание? Вдруг он убился? Да и постиранное белье осталось в душевой, на полу разбросанное валяется... Нужно подниматься, пойти посмотреть...

Но с кровати Кристина подняться не смогла. Голова вдруг закружилась, перед глазами разверзлась пропасть, заполненная красными пульсирующими кольцами, в нее и ухнуло сознание...

В чувство ее привел острый запах нашатыря. Она открыла глаза и увидела над собой встревоженное лицо Кузьминичны. Но, кроме нее, в комнате находился какой-то мужчина в милицмейской форме – долговязый, с вытянутым лицом и с большим заостренным носом.

– Гражданка Чижова? – строго спросил он.

Кристина кивнула, ощупывая шишку на затылке, из-за которой она, судя по всему, и потеряла сознание. Это Геша на нее напал... Он во всем виноват!..

– Вы стирали сегодня белье?

– Да.

– К вам заходил гражданин Пилюгин?

– Ну, я фамилию не знаю... Он пытался меня изнасиловать! Я швырнула в него таз с бельем. Он упал.

– Упал. И в себя до сих пор не пришел. Возможно, и не придет... Вам придется проехать со мной. Собирайтесь!

– Как собираться? Куда?!

Милиционер мог отвезти ее только в участок, она это понимала, но как в такое поверить? Как она, такая чистая и ни в чем не повинная, может оказаться за решеткой в компании с грязными, отпетыми уголовниками? Нет, это за гранью понимания!

Но именно за эту грань ее и отправили. Никого в этом мире не интересовало, допустимо это для нее или нет.

Железная дверь с грохотом закрылась, отрезав Кристину от жизни. Как будто в могиле оказалась, откуда уже никогда не выбраться. Да, в склепе она, и камень задвинулся. Заживо ее погребли, оставили умирать.

Камера маленькая, с тяжелым сводчатым потолком, окно, как и должно быть, зарешечено. Стены как будто недавно побелены, но уже разветвилась лезущая из углов плесень. Сыро в камере, зябко... И тоска смертная! Кристина всхлипнула, по щекам побежали слезы. Ну что такого она сделала? Почему она здесь? Это же так несправедливо!..

– Эй, ты чего, родная?

На сварной койке сидела женщина лет пятидесяти. Спутанные засаленные волосы, опухшее лицо, темные мешки под глазами, синий нос, какое-то тряпье вместо одежды. Она благодушно улыбалась, глядя на Кристину, но вид ее иначе как пугающим не назовешь. И воняло от нее, пожалуй, не меньше, чем от унитаза в углу камеры.

– Ты не плачь, тюрьма слезам не верит... Садись! – Женщина взглядом показала на свободную койку через проход.

Кристина прошла, села, опустила голову.

– Вот и села, – усмехнулась арестантка.

– Села. – Слезы снова хлынули из глаз.

– Как зовут?

– Кристина.

– А я Тюрьма. Так меня и зовут.

– Тюрьма? – Кристина посмотрела на нее, пытаясь выяснить, шутит она или нет.

Но женщина даже краешком рта не улыбнулась. Неужели ее действительно так зовут?

– Познакомилась со мной, познакомилась с тюрьмой, – с самым серьезным видом сказала она. – Это надолго. На всю жизнь.

– Как на всю жизнь?!

– Да так... Думаешь, тебя скоро выпустят? Я тоже когда-то так думала. Тоже молодая была, красивая. Вся жизнь, думала, впереди. А вся жизнь по тюрьмам прошла, по пересылкам... Что, страшно стало?

Кристина кивнула, вжав голову в плечи. Страшно – это еще мягко сказано. Ужас заморозил душу, сковал мышцы тела. Вдруг захотелось умереть.

– За что тебя «закрыли»?

– Ни за что.

– Как обычно... – пренебрежительно усмехнулась страшная соседка. – Тут все ни за что сидят... Шьют что?

– Ну, он меня изнасиловать хотел, я его ударила. Он головой стукнулся, в больнице лежит, в себя не приходит... А я еще и убежала, а нужно было в «Скорую» позвонить...

Крестину допрашивали, дознаватель возбудил уголовное дело – нанесение тяжких телесных повреждений, оставление в опасности... Кристина отнекивалась, ссылаясь на травму, которую причинил ей Пилюгин, на сильное душевное волнение – бесполезно. Обиды, возмущения, переживания – все это она вывалила на сокамерницу, и та слушала ее, качая головой.

– Могли бы и под подписку выпустить, – заметила она.

– Не выпустили, – пронзительно вздохнула Кристина.

– Значит, судьба у тебя такая... Но ты не переживай, я тебе помогу, расскажу, как надо себя вести, что можно делать, что нельзя... Ты слушай, запоминай, я плохого не посоветую... Главное, когда заходишь к людям, нужно определиться, кто среди них старший. А старшего нужно слушаться. Хочешь ты этого или нет, противно тебе или не очень, но слушаться надо. Как старший скажет, так и должно быть... А меня Тамарой зовут... Никакая я не Тюрьма. Здесь у нас так – не верь, не бойся, не проси. Не позволяй в себе ковыряться... Спокойной ночи!

Тамара легла на шконку, повернулась к Крестине спиной и тут же захрапела. А Кристина за всю ночь не сомкнула глаз. Возможно, Тамара в чем-то ее и обманула, но в целом она права. Неужели ей всю жизнь придется провести в тюрьме? Как можно смириться с этой мыслью?..

У следователя отличное настроение, он мило улыбается, глядя на Крестину, голос у него торжественный, густой, звонкий, как звучание ангельских труб. Дело закрыто за отсутствием состава преступления, Кристина ни в чем больше не обвиняется, все, можно возвращаться домой с чистой совестью... Прекрасный сон, и пусть он длится как можно дольше.

Она вышла на воздух, полной грудью вдохнула в себя запах свободы, вытесняя из легких дурные запахи тюремной камеры. Солнце, небо, ласковый ветер, птицы весело щебечут, радуясь ее возвращению в мир добрых людей.

Нет, она не хочет просыпаться. Но реальность неумолима. Откуда-то вдруг появился Штагов. Среднего роста, худощавый, лицо некрасивое, щеки в глубоких складках, глаза маленькие, кожа грубая, дряблая. Но сколько уверенности в его чертах, в движениях. Жесткая линия бровей, строгий взгляд, волевой изгиб губ, ровная спина, прямая осанка, властная четкость в походке. И эта жестокая реальность надвигалась на Крестину, как липкий ночной кошмар. Сейчас леденящий ужас навалится на нее, и она проснется.

Штагов подошел к ней, остановился. Взгляд сухой, холодный, лицо каменное, хоть бы какая черточка дрогнула.

– Поехали!

Он повернулся к ней спиной и направился к воротам, у которых стоял вооруженный милиционер. Кристина пожала плечами, но пошла за ним. Он старший, и она должна слушаться его, так говорила Тамара. А она где-то рядом, продолжает спать.

Они вышли за ворота, Штагов подвел ее к большому серебристому джипу с фирменным трилистником на капоте. Новенькая машина, надраенная – брызжет отраженным солнечным светом.

Он не стал открывать дверь, но не отошел от нее, пока Кристина сама не взялась за ручку. Дождался, когда она сядет в машину, только тогда устроился за рулем. В салоне приятно пахло новой кожей и пластиком, после тюремных ароматов – просто райское наслаждение.

Машина плавно тронулась, мягко и почти бесшумно покатила по дороге.

– Я все знаю, – сказал Штагов.

– Что вы знаете? – не поняла Кристина.

– В какой грязи ты живешь, знаю.

– В какой грязи?

– А в такой! Всякая нечисть в этой вашей общаге водится, тянет к тебе свои грязные руки. Или нет?

– Ну, было.

– Было! Ты еще и крайней оказалась! Где твой муж? Почему он тебя не вытащил?

– Илья в командировке.

– В командировке! – передразнил ее Штагов. – Знаем мы эти командировки! Сегодня с одной, завтра с другой...

– Неправда, Илья не такой! – возмутилась она.

Он даже ухом не повел.

– Живете в грязи, как свиньи... Ты бы в этой грязи и утонула, если бы я тебя не выкупил.

– Вы?! Меня выкупили?!

– А кто еще позаботится о тебе, как не я?

Кристина тряхнула головой, но этого ей показалось мало, и она ущипнула себя за щеку. И не проснулась. Оказывается, Штагов ей не снился. Тюремные застенки остались где-то далеко, вокруг свобода, а впереди... Что ждет ее впереди? Грязная общага, полная всякой нечисти?.. Да, там нечисть, Штагов правильно это заметил.

– А зачем вам обо мне заботиться? – с опаской покосилась она на него.

Даром никто ничего не предлагает, за все нужно платить. И Тамара так говорила, и она сама это понимала. Нетрудно догадаться, чего хотел Штагов.

– Как это зачем? Люблю я тебя, – сухо обронил он.

– Не надо меня любить.

– Почему?

– Замужем я.

– А я люблю!

– Не надо об этом говорить... Я не хочу об этом слушать!

– Я тоже не хочу слышать, как стучит град. А он стучит. И посевы бьет. И никуда от него не денешься.

– И от вас не денешься?

– И от меня... А ты думаешь, сбежала, и все?..

– Я не сбежала. Я просто уехала. И замуж вышла.

– Нет, сбежала ты... – покачал головой Штагов. И с грустью добавил: – И все... Я думал, что все... Думал, смирюсь... Бабу завел... А мне ты нужна. И не смирюсь я... Сам понимаю, что это глупо, но не смирюсь... И никуда ты от меня не денешься!

Кристина глянула на него в паническом испуге. У нее муж есть, она любит его, а Штагова терпеть не может. И он не смеет предъявлять на нее права!..

– Я замужем!

– Брак – дело добровольное. Хочешь – живешь, нет – разводишься.

– Я хочу! И хватит об этом!

Машина тем временем замедлила ход, свернула с дороги, въехала во двор многоэтажного дома с юными елочками в палисадниках между подъездами.

– Куда вы меня привезли?

– Квартира здесь. Тебе в тишине пожить нужно, успокоиться, нервы в порядок привести.

– Квартира?

– Да, трехкомнатная. С отделкой и обстановкой... И стиральная машинка есть.

– Машинка?! – удивленно глянула на Штагова Кристина. Откуда он знает, о чем она мечтает? Мысли читает? Но это невозможно!

– Никто не зайдет к тебе в душ, когда ты стирать будешь, – усмехнулся он. – И я не зайду... Квартира моя, но жить ты там будешь одна.

– Одна? – Кристина глянула на него в поисках подвоха. И заметила колкую насмешку, спрятанную в глубине подернутых невозмутимостью глаз. Как же, позволит он ей жить здесь в тишине и спокойствии. Сегодня, может, и не будет его, а завтра обязательно появится. С корзиной цветов, с бутылкой шампанского... Не успокоится он, пока не добьется своего. – Вы хотите меня купить?

– Нет...

– Что нет, если да!.. Зря вы это затеяли!

Кристина выскочила из машины, громко хлопнула дверью и пошла прочь от Штагова.

Никто не просил его решать ее проблемы, а раз уж он принял участие, то телом она за услугу расплачиваться не станет. А если он вдруг захочет вернуть ее за решетку, то пусть. Лучше сесть в тюрьму, чем изменить мужу...

Глава 4

Городская свалка отравляла не только воздух, но и землю – деревья вокруг нее зачахли, захирели. К небу тянулись черные вонючие дымки, кружило воронье, кричали чайки, сороки смахивали с куч всякую дрянь, уносили, скидывали – все поле перед свалкой загажено.

Илья нервно задернул занавеску. Это сейчас у Кристины хорошее настроение, но стоит ей выглянуть из окна, увидеть свалку... Квартира неплохая, однокомнатная, после косметического ремонта, мебели почти нет, но им и не нужно: своя обстановка есть. Все удобства, вода круглосуточно, и, главное, хозяйка не требует оплаты на месяцы вперед.

Кристина подошла к нему, отвела в сторону занавеску, увидела свалку и выдавила из себя кривую улыбку:

– Мне нравится. И вообще, все равно, что там, главное, что у нас здесь. Главное, что мы вместе. – Она обвила руками его шею, прижалась к нему, как будто в поисках защиты.

А он не смог ее защитить, когда грянула беда. Чертова командировка! Кристина целую ночь провела в изоляторе временного содержания, как какая-то уголовница. Но это не самое страшное. Геша чуть не изнасиловал ее, вот этого Илья не мог себе простить.

Геша в больнице, уже пришел в себя. Дело закрыто, Кристине бояться нечего, но и в общежитии они оставаться больше не могли.

– Все хорошо у нас, – кивнул он. – Хотя сегодня можно переезжать.

– Тогда я здесь останусь.

– Ну, можно и так... Я тогда за вещами съезжу!

Мебель сегодня он забрать не мог, с машиной пока не договорился, но почему бы не привезти матрасы, одеяла, белье? Прямо на пол и постеляют, а завтра кровать подъедет. Не хотела Кристина возвращаться в общежитие, и он ее прекрасно понимал.

– Ты давай, а я пока уберусь, – улыбнулась она, с нежностью глядя на него.

Он таял как воск на солнце, когда Кристина так улыбалась, и чувствовал себя счастливым.

Илья оставил ее в квартире, быстрым шагом добрался до остановки, сел в автобус и через час уже был в общежитии.

– Чижов! – окликнула его Кузьминична. – Тебе с завода звонили, сказали, срочно нужен.

– Ну, если срочно... – расстроено вздохнул он.

Завод недалеко, десять минут пешком, пять – трусой. Одна нога здесь, другая там... Если, конечно, в срочную командировку не отправят.

На проходной о нем уже знали, оказывается, его хотел видеть заместитель директора завода по кадрам. От сердца сразу отлегло. Артемов мог вызывать его только по одной причине, видимо, решение о назначении на новую, вышестоящую должность уже принято, осталось только известить Илью.

– Чижов? – Пожилой мужчина с затейливой сеткой морщин на лбу смотрел на него мрачно, с недовольством.

– Да, Чижов... – Илья почувствовал, как улыбка сползает с его лица.

– Где ты был, Чижов? – кряхтящим голосом спросил Артемов. – Почему тебя на работе нет?

– Так отгул у меня.

– Где заявление? Где резолюция?

– Ну, мне после командировки дали, я там в субботу работал...

– Резолюция где? – Артемов достал из кармана платок и, глядя в окно, промокнул им сухой лоб.

Нервное движение, безотчетное. Что-то нечисто с Артемовым, какую-то подлость он затеял... Хотел бы Илья ошибаться.

– Дмитрий Андреевич разрешил, личные обстоятельства у меня.

– Рабочий день, работать надо, а у него личные обстоятельства! Нехорошо, Чижов! – Артемов строго посмотрел на него, но взгляд удержать не смог, как будто собственная совесть на него давила.

– Ну, я же в командировке был...

– А тебе не нравятся командировки?

– Ну, не то чтобы нравятся...

– Могу тебя поздравить, Чижов! Командировок больше не будет! Садись, заявление пиши. По собственному желанию. Так будет лучше...

– Кому будет лучше? – оторопело проговорил Илья.

Как это, заявление? Как это, по собственному желанию? А как же работа? Как же назначение? Как же карьера?

– А кому будет хуже, если мы тебя за нарушение трудовой дисциплины уволим?

– А увольнять обязательно?

– Да! В назидание другим! – Артемов пытался изображать из себя меч правосудия, но строгость в его взгляде расплзлась, напускной гнев с каждым сказанным словом терял остроту.

Не виноват Илья ни в чем, и нельзя его так сурово наказывать, а надо... Кому надо? Илья очень хотел это знать...

В магазине полно продуктов, а есть нечего. Нонсенс? Нет. Если с деньгами проблема, то все объяснимо. И еще – в стране дефицит инженерных кадров, на заводах острая нехватка молодых специалистов, а Илья не может устроиться на работу. На трех заводах он побывал, и везде отказ. Сначала – да, конечно, рады будем... А потом – извините, в услугах не нуждаемся.

– Как будто сговорились все! – в сердцах сказал он.

Рука потянулась к бутылке, но Кристина убрала ее из-под самого носа. Махнул три стопки под пельмешки, на этом все. И не важно, с горя хочется выпить или с радости.

А мясо на пельмени пока есть. Илья получил расчет, но слишком скудный этот запас, надолго не хватит.

– Не сговорились, – сказала она, открывая холодильник. – Подговорили.

– Кто?

– Штагов.

– Кто?!

– Я не хотела тебе говорить... Это он со следователем договорился, поэтому и дело закрыли.

– Ты откуда знаешь, что он?

– Он забрал меня из милиции.

– Ничего не понимаю!

– Он знает, где я живу. Знает, с кем... Он все про меня знает... И когда это со мной случилось, узнал.

– И чего он хочет?

– Чтобы я с тобой развелась. Замуж меня взять хочет. Жить без меня не может, сказал, – кисло усмехнулась Кристина.

– А ты?

– А я с тобой, как видишь... Не нужен он мне. И он должен это понять.

– А понимает?

– Ну, если тебя с завода уволили, то нет.

– Сволочь!

– Да, сволочь, и я не знаю, что с ним делать.

– Я знаю. Собирайся, в Пшеничный поедом, поживем там немного. Пока я морду этому козлу не набью! – вспылел Илья.

– Антон тоже собирался, и где он?.. Осудили его, четырнадцать лет дали.

– Ну, я никого не убивал.

– Пилюгин до сих пор в больнице. Если дело снова откроют... Ну, ты меня понимаешь...

– Понимаю, – опустил голову Илья.

Крестину могли отправить за решетку, и эта вероятность пугала сама по себе. А кто сможет развалить дело, вернуть ей свободу? Штагов. Только Штагов. Эта мысль просто убивала.

– Завтра снова пойду устраиваться, – щелкнув пальцами по пустому лафитнику, сказал он. – Сначала возьмут, потом Штагов подтянется, заплатит за отказ... А послезавтра я снова пойду. Вдруг разорится?

– Не разорится.

– И все равно пойду. Работать в любом случае надо.

– И я работать пойду, – кивнула она. – Тут магазин рядом, продавщица нужна.

– Исключено! – Илья опустил кулак на стол – медленно, мягко, но решительно.

– Почему?

– Сначала возьмут, потом попросят. Ты даже не представляешь, как это унижительно, как будто в глаза плюют... И вообще... Ты бы работала, если бы со Штаговым жила?

– Я не могла бы с ним жить. И не буду.

– Не работала бы ты. И со мной работать не будешь. Я сам семью обеспечу! А работу я найду, даже не сомневайся! Кто такой Штагов! Тьфу, и растереть!..

Действительно, Черноземск большой город, и в нем полно заводов и фабрик, где инженеры-механики нужны как воздух. А Штагов один, и не такой уж он олигарх, чтобы все боялись его и слушались.

Мебель в машину загружали ночью. Водитель молчал, но на Илью посматривал косо, видимо, боялся остаться в дураках, вдруг Илья обворовал чью-то квартиру?

Пока загружали мебель, Илья обошел двор, заглянул в каждую припаркованную к дому машину, может, за ним следят люди Штагова, а этот старый хрыч не должен знать, куда он переезжает.

Если бы Штагов не сдернул его с насиженного места, ему бы так не повезло. Поговорив с Кристиной, Илья отправился в поселок Пылец, где когда-то устанавливал и настраивал технологическую линию на мукомольном комбинате. Тайком отправился, с оглядкой на возможную слежку...

Комбинат старый, но его переоборудовали, значительно увеличив производственные мощности. И модернизацию провели, и даже ремонт сделали – как внутри, так и снаружи, главное здание и цех обшили ярким пластиком. Красиво получилось, хоть на выставку достижений капиталистического хозяйства отправляй. Одним словом, серьезное предприятие, поэтому Илья очень удивился, когда ему предложили должность главного инженера. Более того, даже служебную квартиру выделили – двухкомнатную, в доме на шестнадцать семей. И зарплата приличная. Плюс подъемные – двадцать пять тысяч рублей обещали, целое состояние.

В квартире имелся кухонный гарнитур, стоял диван, на котором можно было спать, шкаф, а больше ничего, но Илья рад был и этому. Три дня они с Кристиной спали на диване, и только сегодня он отправился в город за своей мебелью. И все эти три дня они ждали, когда его уволят и попросят освободить квартиру...

Илья рассчитался с грузчиками, сел в машину, и все время, пока она не выехала со двора, смотрел в боковое зеркало и по сторонам озирался – вдруг все-таки следят за ним?

– Если мебель ворованная, так и скажи, – не выдержал водитель.

– Мебель моя, жена ворованная, – покачал головой Илья.

– Не понял.

– Теща против меня, за каждым шагом следит. Сбежали мы от нее, понимаешь?

Убедил или нет, но всю дорогу водитель молчал, больше не задавая никаких вопросов.

Поселок находился в тридцати километрах от города, дорога хорошая, доехали быстро. А вот разгружались долго. Ночь, грузчиков не найти, пришлось договариваться с водителем, запрягаться в один с ним воз, а усталость брала свое, руки отказывались держать, ноги – ходить. Но ничего, справились.

Илья расплатился, пожал руку мужику и даже перекрестил его вслед – через окно.

– Чего это ты? – с удивлением посмотрела на него Кристина.

– Да выследят, боюсь. Как бы через водилу не вышли. Может, пронесет?

– От Штагова не спрячешься, – пожала она плечами.

– Не преувеличивай.

– Да, пожалуй, ты прав... Сейчас разбирать будем или завтра? – спросила она, кивком показав на баул с книгами.

– Руки отваливаются, – покачал он головой.

– Тогда завтра.

– Пойду гляну, не забыли чего?

Он вышел во двор, осмотрел площадку перед подъездом. Пусто, нет забытых вещей. Зато глаза нащупали скамейку под раскидистым кленом, ноги тут же подогнулись, и груз усталости потянул вниз. Илья смахнул с лавки желтый лист, сел, достал из кармана пачку сигарет, зажигалку.

Бабье лето на дворе – днем тепло, а ночью не очень, но сейчас просто благодать. Погода тихая, ветер потерялся где-то в темноте неба, слышно только, как падают листья. И на душе спокойно. Нет нигде Штагова, и не будет. Работа у Ильи отличная, должность солидная, ответственности много, но это его не пугает. Зарплата – восемнадцать тысяч в месяц плюс премиальные, в Черноземске о таком удовольствии он мог только мечтать. Одна квартира чего стоит. Ремонт надо будет сделать – обои поклеить, полы, подоконники подкрасить, но руки у него вроде бы из правильного места растут.

Сначала он услышал нарастающий топот каблучков, затем из-за пышного куста появилась дива с длинными распущенными волосами. Кожаная курточка по пояс, короткая юбка, длинные ноги в полусапожках на шпильке.

Девушка свернула к подъезду, но мимо Ильи не прошла. Остановившись, она покачнулась, как порожний кузов на мягких рессорах, повела носом и, унюхав дым, повернулась к нему. Ее повело в сторону, она потянулась к лавке, пытаясь опереться на спинку, Илья среагировал, подал ей руку, помог восстановить равновесие.

– Спасибо!

Девушка благоухала вечерними духами и коньяком. И язык у нее заплетался. Впрочем, это ничуть ее не портило. Симпатичное личико, задорный носик, пухлые губки, светлые волосы и фигурка на загляденье.

– Это... Можно? – Блондинка поднесла ко рту два пальца, поводила ими перед собой, показывая, что просит закурить.

Илья достал сигарету, подал ей, чиркнул зажигалкой. Она глубоко затянулась, блаженно улыбнулась и спросила:

– А ты кто такой?

– Да вот, жить здесь буду.

– И я здесь живу! Меня Римма зовут!

– И меня уже зовут, – поднимаясь со скамейки, сказал Илья. – Жена зовет, домой пора.

– Жена? – недовольно скривилась Римма. – Фу-у!

– Что такое?

– Не люблю жен! Они все такие противные! Она у тебя тоже такая?

– Кристина у меня самая лучшая.

– А в гости пригласит? – спросила она с надеждой на продолжение банкета.

– Вряд ли!

– Фу-у! Можешь меня не провожать! – На ходу махнув рукой, Римма скрылась в дверях.

На ногах еле держалась, а «восьмерку» вычертила – криво, размашисто, призывно. Видно, не все ладно у девчонки в личной жизни – то ли мужчины нет, то ли, напротив, их слишком много, и ей хочется объять всех.

Илья снисходительно усмехнулся ей вслед. Все, закончились для него чужие девочки, осталась только своя Кристина. Любит он жену и не собирается ей изменять.

Пеплом голову посыпают с досады, а мукой – с радости. Во всяком случае, Илья об этом подумал, когда мука хлынула в силос.

Долгий, сложный процесс – зерно сначала очищается, затем обрабатывается, крупка из него шлифуется, размалывается, измельчается в муку. Силосы, конвейеры, регуляторы, сепараторы, подогреватели, отделители, отборники, стерилизаторы, увлажнители, высеватели... Черт ногу в этих механизмах сломит, но Илья знал, как работает технологическая линия, наладил процесс, все, сбоев теперь быть не должно. Мука будет идти ровным потоком, наполняя цистерны, мешки, ну и карманы – деньгами.

Гремит конвейер, лязгает рычагами, штангами, фрикционами, крутятся шестеренки, прочно стоят болтики, крепко их держат винтики. Идет процесс...

Илья помнил, как отлаживали этот механизм в прошлом году, быстро все сделали, четко – заработала линия, пошла мука. И заводские инженеры уехали, остались только местные «винтики» да «шпунтики». А механика – наука сложная, она дилетантов не терпит. Разладилась линия – то одно сломается, то другое, а это просто, упущенная прибыль. Вот потому и схватился директор комбината за Илью, как за самого посланника богов, сразу главным инженером назначил, лишь бы положение выправил.

Илья взялся за дело – там починил, там подправил, но это не помогло. Пришлось полностью останавливать линию, проводить комплексное обслуживание и ремонт, причем спешно. Пахали как проклятые, но ничего, справились. Заодно и работать научились...

Илья ладошкой зачерпнул муку. Белая, рассыпчатая, на ощупь влажная, приятная, а по факту сухая. Голову он посыпать не стал, но на язык попробовал.

– Ну как? – весело спросил директор.

Интересный мужик – вроде бы веселый, всегда в прекрасном настроении, улыбается, шутит, а взгляд серьезный, даже суровый. Брови длинные, кустистые, сильно поднятые под углом от переносицы, а усы, напротив, опущены вниз. Левый ус и правая бровь, казалось, представляли собой единую ровную линию, перекрытую широким, слегка приплюснутым носом. То же самое – с правым усом и левой бровью. Эти две линии крест-накрест пересекались между собой где-то под серединой носа...

– Деньгами пахнет! – улыбнулся Илья.

– О-о!.. Пошли! – Василий Романович потыкал пальцем в ухо – шумно в цеху, в тишину бы. – Римма из отпуска вышла, лепешек нам напечет, – улыбнулся он, прихватив ковшик муки. – Надо же как-то событие отметить!

На территории чистота, рабочие в комбинезонах, здания как игрушечные – красота. Европа! И в приемной ремонт в евростиле – подвесные потолки, стены под силиконовой краской, современная офисная мебель, компьютер.

– Видишь, все у нас тут хорошо! А работа не идет! – открывая дверь в свой кабинет, громохочущим голосом проговорил Василий Романович. – Эй, а где Римма? Ну, если заблудилась...

дила!.. – Он угрожающе помахал указательным пальцем, им же ткнул на стол, велел поставить коврик с мукой. – Если не сообразит – уволю!

Они зашли в кабинет, Курманов сам выдвинул стул из-за приставного стола, приглашая Илью сесть.

– Всех уволить хотел... Косорукие, ля!.. Хорошо, ты, Илья, появился... А я тебя еще с прошлого года запомнил... Думал, ничего особенного, ну наладили линию, что здесь такого! Одни налаживают, другие разлаживают... Уф-ф! Да-а! Неужели выкрутились?.. – Директор достал из шкафа бутылку коньяка в круглой фирменной бутылке и два граненых стакана. – Как думаешь, Илья, выкрутились?

– Там системный сбой... – Илья мог бы растолковать суть, но зачем? Не в том настроении Василий Романович, да и сам он очень устал, до сих пор руки дрожат от волнения. – Нормально все будет! А если нет, сам заявление об уходе напишу...

– Заявление?.. – озадаченно посмотрел на него Курманов. – Зачем?

– Ну, это как голову на отсечение...

– А кто тебе голову отсечь хочет?

– Никто. Это так говорится. Голову на отсечение даю, все нормально будет, – пояснил Илья.

– А если хотят отсечь? – серьезно смотрел на него Василий Романович. – Подъезжал тут один, деньги предлагал.

Илья все понял и похолодел. Все-таки добрался до него Штагов. Не даст он им с Кристиной покоя.

– Зачем деньги?

Курманов ответил не сразу, сначала скрутил пробку, наполнил стаканы. Пошарил недовольным взглядом вокруг бутылки, вышел в приемную, сказал пару ласковых секретарше, которая наконец-то появилась, велел ей заняться делом.

– Римму я бы и бесплатно уволит, – сказал он, закрыв за собой дверь. – Толку от нее мало... Весь толк под юбкой, а мне дело нужно. А дело мне ты можешь дать. Как я могу тебя уволить? Послал я этого судака! Ушел он, а вопрос остался. Кто там на тебя зуб имеет?

– Да есть один... – сквозь зубы процедил Илья. – Я у него жену свою отбил, он мне теперь мстит...

– Жену?! Ну да, видел я твою Кристину... – Курманов изобразил полное понимание. – Красивая она у тебя, не вопрос. Да ты не переживай, не отдам я тебя... Ну, давай за успех в нашем тяжелом деле!

Они собирались выпить за мир и дружбу, когда в кабинет вошла Римма.

Почти месяц прошел с той ночи, как Илья впервые увидел свою соседку по дому, больше они с ней не пересекались. То ли она куда-то пропала, то ли он был редким гостем в своем доме – возможно, и то и другое. И вот Римма снова перед ним. Светлые волосы, голубые глаза, белозубая улыбка, которой она обласкала его, плывущей походкой подходя к приставному столу с подносом в руках, заполненным незатейливыми на вид хлебными лепешками.

– Спасибо, Римма! – Курманов поморщился, заметив, какими глазами она смотрела на Илью, пошевелил пальцами, показывая на дверь, а когда она закрылась за девушкой, осуждающе хмыкнул: – М-да!

Илья вопросительно глянул на директора.

– Мать – святая женщина, а дочь – оторви и выбрось!.. Я и отца ее хорошо знаю, и мать, а так бы уволит к черту! Ты бы держался от нее подальше, – покосился на него Василий Романович.

– Да я как-то и не подходил к ней близко.

– Вы в одном доме живете...

– И что?

– Ну, если ничего, то хорошо... – отмахнулся от разговора Курманов. – Давай за наше хорошо выпьем... И по домам уже пора, ты не находишь?

Илья кивнул, глянув на часы. Половина шестого вечера, еще работать и работать, но сегодня знаменательный день. Машина отлажена, процесс идет, и можно чуть-чуть отойти от работы, отдохнуть немного. Если, конечно, сбой на линии не произойдет...

Он выпил, попрощался с Курмановым и отправился в свой кабинет, который находился по соседству с директорским. Приемная ему не полагалась, но сам кабинет его устраивал вполне. Просторный, с приличной мебелью, захламлен, правда, порядком, но это поправимо. Запчасти на столе, инструкции, технические руководства, по углам – смазки, масла, опять же, снятые с механизмов детали. В авральном режиме он работал, некогда было порядок навести.

Убираться он будет завтра, а сейчас – домой. Выкурить сигарету, выпить стакан воды, и домой. Достав сигарету, Илья нервно закурил. Вдруг Штагов уже готов договориться с Курмановым? И денег он ему завезет, и с толковыми специалистами поможет. У него в Пшеничном такой же мукомольный завод, возможно, кадры там – не чета здешним...

В дверь постучали. Илья и ответить не успел, а Римма уже внесла в кабинет свой бюст, прикрытый белой атласной кофточкой.

– Привет! – загадочно улыбнулась она.

– Уже здоровались, – хмуро буркнул он, но Римму это нисколько не смутило.

Она подплыла к его столу, присела на краешек, выставив на обозрение бедро, и томно протянула:

– Я же не знала, что ты – главный инженер...

Ее рука мягко легла на его плечо. Взгляд с поволокой, жаркий, обволакивающий, голос нежный, просачивающийся, движения волнующие, завораживающие...

– Устал главный инженер. Ему домой нужно, – резко поднялся Илья, но только для того, чтобы выйти из-за стола.

– Отдохнуть и здесь можно.

– Как-нибудь в следующий раз! До завтра! – Он вытащил из шкафа куртку и решительно вышел из кабинета.

По пути домой зашел в магазин, купил бутылку коньяка – обмыть событие и унять переполох в душе, который устроила блудливая Римма.

Кристина встретила его с легким удивлением во взгляде. Она и сама, как ему показалось, откуда-то пришла. Джинсы на ней, белый облегающий свитерок с высоким воротом. А щеки пахли осенней свежестью и дымком от сжигаемых листьев.

– Что-то ты рано сегодня.

– А ты кого-то другого ждала? – неожиданно для себя спросил он.

От возмущения Кристина вытянулась в лице, и в глазах промелькнули гневные искорки.

– Извини, – буркнул Илья.

Кристина повела носом, увидела пакет в его руке, из которого выглядывала бутылка, но не успела ничего сказать, он опередил ее:

– Да выпили тут с директором. Завод запустили, считай, второе рождение... Честно скажу, не знаю, какое оно там у них по счету, это рождение. Комбинат старый...

– А ты молодой, – улыбнулась она.

– Ну да, я молодой, – непонимающе глянул на нее Илья.

– И я молодая... И у нас будет первое рождение... Я только что из больницы...

Он сразу понял, о чем речь, и чуть не закричал от радости. О какой-то там Римме вообще думать забыл. Но вспомнил о бутылке... Воистину, сегодня у него знаменательный день. И никакой Штагов со своими кознями не в состоянии омрачить главное событие. Пусть он рвет на себе волосы от досады: не досталась ему Кристина, и ребенка она родит от Ильи...

Глава 5

Цеха шумят, плевела сметаются в кучу, зерно размалывается в белую пыль, пшеничная мука, эта соль земли, сыпается в бункер. Прошлогодний урожай смалывается, а на подходе уже новый. И они с Кристиной скоро заживут по-новому.

Ее вчера забрали в больницу, схватки оказались ложными, но ее оттуда не выпустили – на сносях она, осталось совсем чуть-чуть, возможно, *это* уже случится ночью.

– Ты, главное, держись! – Илья сжал кулаки, призывая Кристину сделать то же самое.

– Все будет хорошо!.. Иди! – махнула она рукой, отсылая его домой.

Время позднее, да и ей трудно стоять на ногах у окна.

– Держись! – Илье так хотелось поцеловать ее на прощание, но цоколь высокий, без подставки до окна не дотянуться, и Кристина высунуться не могла: решетка мешала.

Он покинул территорию больницы и сам не понял, как оказался в церкви. Вечерняя служба окончилась, люди разошлись, но свечи еще горели, и старушка нашлась, которая приняла молебен за здоровье. И свечи ему продала, подсказала, кому и с каким прошением поставить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.